Елена Арсеньева

Браки совершаются на небесах

Исторические повести любви

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Во многих сказках царский сын непременно едет добывать невесту в тридевятое царство, в некоторое государство. Сказка, как известно, ложь, да в ней намек... Издавна цари и царевичи, короли и королевичи, а также герцоги, князья и прочие правители искали невест вдали от родных пределов. Почему? Да потому, что не хотели, чтоб измельчала порода. А еще хотели расширить связи своих государств с тридевятыми царствами.

- Елена Арсеньева
  - ***
- notes
  - 1
  - 2

Елена Арсеньева
Золотая клетка для маленькой птички
Шарлотта-Александра Федоровна и Николай I

***

Император Николай Первый, которого все наперебой называли человеком жестоким, нелиберальным и даже жандармом Европы, отличался совершенным бесстрашием. Он просто-напросто считал ниже своего достоинства чего-то бояться и ездил по Петербургу по возможности один, без конвоя. И вот однажды государь возвращался во дворец по Морской улице. Кучер отчего-то затормозил, и маленькая девочка-побирушка, восторженно смотревшая на роскошный выезд, вдруг соскочила с тротуара и быстро встала на запятки императорских саней. Ни кучер, ни сам Николай Павлович этого не заметили, сани вновь тронулись; наконец император обратил внимание, что прохожие как-то странно смотрят на него. Он обернулся – и увидел маленькую нищенку, которая тоненьким голоском попросила, боясь, что ее сейчас сгонят с полозьев:

– Дяденька, дай покататься!

– Изволь, только держись крепче! – велел император.

Девчонка доехала на запятках до самого Зимнего дворца и не спешила уйти.

– Ну что, пойдешь ко мне в гости? – серьезно спросил император.

Нищенка посмотрела на него снизу вверх – очень высокий, красивый, роскошно одетый, он, наверное, казался ей кем-то вроде Бога! – и кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

Император взял ее за руку и привел в комнаты императрицы. При виде оборванки скандализованные фрейлины стали столбами, не зная, как воспринять причуду повелителя, а императрица всплеснула руками и начала спрашивать:

– Где вы нашли эту маленькую замерзшую птичку, этого воробушка? Какое чудное дитя. Надо взять ее на свое попечение!

Ободренная ласками красивой, сладко пахнущей дамы девочка отогрелась, расправила перышки (она и впрямь напоминала птичку) и поведала, что она дочь прачки из Измайловских казарм. Поскольку дело происходило на Масляную, гостью накормили блинами, и она чистосердечно призналась, глядя на государя:

– Дяденька, а ведь твои блины лучше наших!

– Ничего, – сказал император, – я уж позабочусь, чтобы ты ела теперь только хорошие блины.

Малость ошалевшую от еды и изобилия впечатлений девочку отправили домой с сопровождающим и крупной суммой денег – для помощи ее матери.

Окна покоев императрицы выходили на Неву, однако она нарочно попросила, чтобы сани с гостьей проехали под ее окнами, и помахала вслед рукой.

– Вот и улетела птичка! – сказала она, смеясь и оборачиваясь к мужу, который стоял на шаг позади.

– Нет, – сказал он, глядя на нее своими удивительно красивыми голубыми глазами. – Моя птичка всегда со мной.

Именно так – моя птичка – он называл свою невесту, а потом и жену, королевну прусскую Фредерику-Луизу-Шарлотту-Вильгельмину. Беленькая, румяная, нежная, с удивительно тонкой талией, она казалась ему неземным существом. Первым чувством его была не страсть, не жажда обладания ее красотой, а желание защитить ее, согреть, уберечь от треволнений мира. С первой минуты встречи он дал себе клятву в этом – и старался эту клятву исполнять всегда, всю жизнь. Для этого он посадил свою маленькую птичку в самую прекрасную клетку, какую только можно было себе вообразить, – в свой дворец, и горько каялся, если какие-то обстоятельства порою вынуждали его нарушить священную клятву.

…Хоть русские государи с давних пор испытывали слабость к немецким невестам и охотно вступали с ними в браки сами или сватали их за своих сыновей, однако это правило отчего-то распространялось на дочерей каких угодно германских княжеств – только не королевского дома Пруссии. Однако времена меняются, и вот император Александр I высватал для своего младшего брата, царевича Николая, не кого-нибудь, а дочь самого прусского короля. Королева Луиза когда-то была влюблена в Александра и пользовалась его благосклонностью. Это была лишь платоническая, невинная любовь, однако она оставила глубокий след в двух сердцах. Именно поэтому после смерти тайно любимой им Луизы Александр издалека приглядывал за ее дочерью, а когда она повзрослела, затеял сватовство.

Это было в 1814 году. Звезда русского царя – победителя Наполеона сверкала на европейском небосклоне так ярко, что, казалось, ничего более яркого и представить себе невозможно. Он очаровал европейцев не только своим царственным благородством, но и умением вести беседу, поддержать самый тонкий и изощренно-остроумный разговор. Это был не только государь, но и блестящий мужчина. Ему старались подражать. Брат Константин Павлович доходил в этом подражании до смешного, он стремился копировать каждый жест императора. Но младший брат Николай отнюдь не страдал страстью к подражаниям! Он был совсем иным – самостоятельным

человеком. В нем с самого юного возраста проявилось редкостное чувство собственного достоинства. Вряд ли это было предчувствие власти, ведь был в полном здравии Александр, за ним по старшинству следовал Константин – и все же Николай был воистину царственен, и это ощущал всякий.

Николай с молодых лет и всю жизнь оставался одним из красивейших мужчин своего времени. Конечно, в ту пору, когда он встретился со своей невестой, он еще не был тем могучим, статным человеком, каким сделался потом. Он был очень худощав, а оттого казался еще выше ростом. Облик его и черты лица еще не имели той законченности, которая потом заставляла сравнивать его с Юпитером с античных камей. Однако черты эти были удивительно правильны, лицо открытое, с четко очерченными бровями, прекрасный профиль, небольшой рот и точеный подбородок. Это был необыкновенно красивый юноша, высокого роста и прямой, как сосна. Английские леди, налюбовавшиеся им во время его визита в Англию в 1814 году, наперебой утверждали, что со временем Николай будет красивейшим мужчиной в Европе.

При всем этом осанка и манеры его были свободными, он любил посмеяться – и легко очаровал прусскую королевну.

Она с нетерпением ждала того дня, когда окажется в Петербурге и станет женой этого красавца. Прибыла она в Россию в июне 1817 года, и жених встретил ее у пограничного шлагбаума во главе войска. Кто-то видел в этом просто исполнение ритуала, однако Шарлотта расценила это как нетерпение, которое влекло к ней влюбленного Николая.

Первое впечатление ее о России, об императорском дворе было одновременно и радостным и пугающим. С одной стороны, все ласкали ее. С другой стороны, она побаивалась и величественной вдовствующей императрицы Марии Федоровны, и государыни Елизаветы Алексеевны, жены Александра, о скандальной славе которой была уже осведомлена…

Все с восторгом смотрели на молоденькую невесту – и охотно извиняли ей маленькую оплошность, происшедшую, впрочем, не по ее вине. Гостья не переоделась к обеду, потому что фургоны с ее багажом еще не прибыли. А впрочем, она была прелестна и в своем закрытом белом платье из гроденапля, отделанном блондами, в хорошенькой маленькой шляпке из белого крепа с султаном из перьев марабу. То была самая новейшая парижская мода, и дамы сумели ее оценить. Кавалеров в больший восторг привела изумительная талия принцессы, ее крошечная изящная ножка, легкость ее походки. Именно тогда Николай и назвал ее в первый раз птичкой.

Впрочем, вскоре она перещеголяла роскошью нарядов всех дам. Особенно в день своей свадьбы, которая состоялась 1 (13) июля. Чудилось, бриллианты, множество украшений, под тяжестью которых она была едва жива! – сверкали на ней ярче, чем на других. Может быть, оттого, что она надела их в России впервые в жизни: прусский король воспитывал дочерей с редкой простотой. И, само собой, им не позволяли румяниться: это было тоже открытием для нее. Румяна оказались Шарлотте весьма к лицу. Словно в память о прошлой, скромной жизни, с которой она теперь прощалась навеки, Шарлотта приколола к поясу белую розу.

Правда, теперь ее называли иначе – Александра, Александрина, даже Александра Федоровна (Шарлоттой она осталась только для влюбленного мужа). 24 июня она приобщилась святых тайн и крестилась в православие. Обряд, в котором она ничего не понимала, почти не затронул ее душу, приближенные, сопровождавшие ее из Пруссии, откровенно рыдали, глядя на свою маленькую королевну, такую испуганную и явно ничего не понимающую… Однако эти неприятности, эти волнения не имели особого значения для Шарлотты-Александры. Она ведь была из тех милых женщин, которые способны полностью раствориться в заботах и делах своего мужа и для которых ничто в жизни не имеет значения, кроме жизни ее семьи.

Именно это делало ее счастливой. Именно это сделало ее несчастной…

Одной из самых больших радостей тех дней были военные парады, которые устраивались в честь невесты. Германия – страна военных, страна особого почитания военных, и Александра была проникнута этими настроениями с самого детства. Словно на родных, смотрела она на проходящие перед ней войска гвардии, особенно на Семеновский, Измайловский и Преображенский полки, знакомые ей еще по пребыванию их в Пруссии во время войны с Наполеоном. Она по-детски обрадовалась, увидев кавалергардов, шефом полка которых ей предстояло сделаться в скором времени.

Надо сказать, что после победоносной войны 1812 года военные были в особенной чести у женщин, однако Александра своим искренним восторгом перед мундирами превосходила прочих дам и в этом смысле, конечно, была родственной душой своему молодому мужу. Ведь страсть Николая ко всему военному порою не на шутку беспокоила его мать, императрицу Марию Федоровну. Она настойчиво требовала, чтобы юные Николай и Михаил, его младший брат, носили гражданское платье и занимались более серьезным учением, нежели военными

забавами. Однако ее усилия оставались тщетными. И было совершенно невозможно себе представить, что в раннем детстве Никс – так его называли дома – испытывал жуткий страх при звуке стрельбы. Он затыкал уши и плакал, прятался в алькове, а когда товарищ его детских игр, Адлерберг, нашел его там и стал стыдить, Никс ударил его по лбу с такой силой, что шрам от удара остался у того на всю жизнь. Между прочим, это не помешало Адлербергу быть одним из самых верных и преданных друзей Николая до самой его смерти. Боялся Никс не только стрельбы, но и грозы, и фейерверка, и даже вида пушек. А встреча с людьми в форме приводила его просто в содрогание. Когда он и Михаил оказывались в военном лагере, то снимали шляпы и кланялись офицерам, опасаясь, чтобы их не взяли в плен. Вполне возможно, что это были плоды воспитания мисс Эжени Лайон, шотландской няни маленьких великих князей. Несмотря на свой сильный характер (именно она сумела внушить Николаю представление о рыцарских добродетелях, верным которым он старался оставаться всю жизнь), она была только женщина. Детские страхи Николая – это ее страхи. Точно так же, как внушенная ему на всю жизнь неприязнь (если не более сильное чувство!) к полякам: в 1794 году мисс Лайон оказалась в Варшаве во время восстания Костюшко, и ужас пережитого не покидал ее никогда.

Однако ко времени женитьбы все детские страхи Николая остались далеко позади.

Тотчас же после свадьбы Николай Павлович (ему тогда был 21 год) был назначен генерал-инспектором и шефом лейб-гвардии Саперного батальона. Это была весьма ответственная должность, на которой вполне проявились блестящие организаторские способности молодого великого князя.

Вообще в те годы все для него складывалось просто великолепно. Семейная жизнь была прибежищем и отдохновением. Александрина умела радоваться жизни и передавать свою радость окружающим. Ее все приводило в восторг, а если какие-нибудь досадные мелочи вызывали слезы, то они были столь же кратки, преходящи и очаровательны, как мгновенный дождь, вдруг грянувший с солнечного небосвода. Ее любили все, даже придирчивая вдовствующая императрица. Не шутя говорили, что к снохе она более снисходительна, чем к своим дочерям. И, уж конечно, – чем к одиозной фигуре молодой императрицы Елизаветы Алексеевны, чья репутация в глазах мужа, свекрови была давно и непоправимо испорчена.

Мнение Марии Федоровны разделял практически весь двор, даже самые молоденькие его представительницы. Как-то раз

государева семья посетила концерт знаменитой итальянской певицы Каталани. За появлением царственных гостей в ложе наблюдали воспитанницы Екатерининского института. И сразу отметили прелестное существо, впорхнувшее в ложу тотчас за Марией Федоровной. Это была молодая дама в голубом платье, по бокам которого были приколоты маленькие букетики пурпурных роз. Такие же розы украшали ее хорошенькую головку. За ней почти бежал высокий веселый молодой человек, который держал в руках соболий палантин и говорил:

– Шарлотта, Шарлотта, вы простудитесь!

Молодая дама поцеловала руку государыне Марии Федоровне, которая ее нежно обняла. Институтки зашушукались:

– Какая прелесть! Кто это такая? Мы будем ее обожать!

Классная дама пояснила:

– Это великая княгиня Александра Федоровна и великий князь Николай Павлович.

Тут раздался третий звонок, и вошел император Александр Павлович. Вслед за ним появилась маленькая дама в сером платье, в белом чепце, окутанная белым газом, с красными пятнами на лице.

– Ах, какая противная, – зашушукались институтки, – кто это?

– Это императрица Елизавета Алексеевна! – сердито ответила классная дама.

– Она точно старая гувернантка. Сразу видно, что ее никто не любит!

Отнюдь не из корысти Александрина отбивала пальму первенства у своей bell-saur [1]. Она инстинктивно пыталась избегать всех и всяческих неприятностей, вот и старалась держаться в стороне от Елизаветы и этим заслужила еще более нежное отношение свекрови и ее приближенных. Может быть, даже и императора, который с радостью видел, что дочь обожаемой Луизы пусть и не столь же умна, как мать, но, во всяком случае, столь же очаровательна.

Жизнь казалась Александрине сплошным праздником. Прогулки верхом, балы, поездки и экскурсии в Кронштадт, где император проводил смотр флоту… Многочисленное общество, в котором дамы, по ее мнению, отличались более нарядами, чем красотой, а кавалеры были скорее натянуты, чем любезны, было, однако, веселое: присутствие императора Александра, очарование, которое он умел придать всему, что ни предпринимал, наэлектризовывало весь двор. Как-то раз он взял ружье, велел взять по ружью братьям и приказал исполнять ружейные приемы, что весьма позабавило всех присутствующих.

Казалось, что это веселье, это сияние император будет

излучать вечно! Во всяком случае, так это воспринимала Александрина. Никогда ни одно облачко возмущенного тщеславия не затмило этой беззаботности, этого полного довольства своим жребием. Ее муж был лучшим на свете, а его неудержимая страстность одновременно и пугала, и делала ее счастливой. Словом, жизнь была сущим раем. Особенно когда она почувствовала себя беременной.

Однако новое состояние Александрина переносила нелегко. Пришлось отказаться от прогулок верхом, а когда она однажды попыталась выстоять всю обедню не присаживаясь, то упала без чувств. Николай унес жену на руках из церкви, а на том месте, где она упала, потом нашли осыпавшиеся лепестки роз – из ее букета, – и это показалось очень поэтичным всем придворным дамам.

Последним всплеском прежней беззаботной жизни, которая отныне навеки канет в прошлое, был феерический маскарад, устроенный в Павловске. Мария Федоровна оделась волшебницей, Елизавета – летучей мышью, а Александрина – индийским принцем, с чалмой из шали, в длинном, ниспадающем верхнем платье и широких шароварах из восточной ткани. Когда Александрина сняла маску, ей наговорили массу комплиментов. Талия у нее все еще оставалась очень тонкая, хотя Александрина и пополнена и особенно похорошела в начале беременности.

В середине октября двор перебрался в Москву. Из-за состояния великой княгини ехали целых 12 дней! Ее тошнило от самых неожиданных запахов, все прежде любимые блюда вызывали отвращение. Однако Николай не отходил от жены ни на шаг, тут же был ее старший брат Вильгельм, и Александрина была совершенно счастлива.

Если Петербург она в глубине души находила не слишком красивым городом, то Москва поразила ее своим величием. Именно тогда она впервые почувствовала истинный интерес к России, именно тогда стала гордиться, что теперь принадлежит этой стране. Александрине всерьез захотелось заняться русским языком. В учителя ей был дан замечательный поэт Василий Андреевич Жуковский, но это, как ни странно, оказалось для ученицы большим несчастьем. Он был слишком поэтичен, образован, разговорчив, чтобы быть хорошим учителем. Каждый урок превращался в литературный диспут, вернее, в образчик безупречного ораторского искусства. В результате Александрина стала бояться русского языка и всю жизнь не могла набраться духу, чтобы произнести хоть одну целую фразу.

Ее утешало общение с мужем. Нежность его вполне вознаграждала и за разлуку с братом, который вскоре вернулся в

Германию, и за страдания, которые причиняла беременность. Николай был очень рад, что его «маленькая птичка», несмотря на свое нежное сложение и беззаботный нрав, прекрасно понимает свое предназначение жены и матери. Он не уставал читать ей по вечерам «Коринну», ее любимый роман мадам де Сталь, и утешал в полудетских-полуженских страхах, которые неминуемо испытывает каждая женщина, ожидающая родов.

Словом, это была самая настоящая идиллия, и потом Александрина вспоминала эти дни как самые счастливые и беззаботные в своей жизни.

А на святой неделе, в среду 17 апреля 1818 года, в два часа ночи Александрина почувствовала, что у нее начинаются схватки. Позвали акушерку, потом свекровь, и вот в 11 утра ребенок родился…

Николай метался под дверью спальни жены. Услышав крик ребенка, он ворвался в комнату, однако первым делом бросился к Александрине, начал ее целовать и поздравлять.

– А кто у нас родился? – наконец спросил он.

Жена смотрела на него испуганно: она не знала! Ей еще не успели этого сказать!

Молодые супруги начали хохотать, но в эту минуту к ним подошла Мария Федоровна и величественно сообщила:

– Это сын!

Только тут они прониклись важностью минуты: ведь этому маленькому существу, едва появившемуся на свет, возможно, предстояло когда-нибудь сделаться императором!

Во время крестин, совершившихся 29 апреля в Чудовом монастыре, ребенку было дано имя Александр. Невыразимое чувство восторга пережила Александрина, когда несла его на руках в церковь и думала, что у нее, конечно, самый прекрасный сын на свете: беленький, пухленький, с большими темно-синими глазами.

Повидаться с дочерью приехал в эти дни прусский король, и около двух недель в Москве беспрестанно шли торжества: смотры, парады, приемы, балы, катанья… И вдруг среди всех этих празднеств внезапно заболел Николай. Он возвратился после парада бледный, позеленевший, дрожа от лихорадки и чуть не падая в обморок. Это была корь, которая потом проходила в довольно легкой форме, но первый день был ужасен и напугал Александрину так, что она долго не могла прийти в себя от беспокойства. Она вдруг поняла страшную и простую истину: счастье мимолетно и преходяще, беда может грянуть в любое мгновение, словно гром с ясного неба, – и уничтожить все, чем беззаботная Александрина жила и наслаждалась до сих пор.

Именно тогда и появилась у нее склонность к меланхолии, именно тогда начались эти припадки внезапной и необъяснимой грусти, которую она силилась скрывать потом всю жизнь, пряча это под внезапно пробудившейся любовью к природе. Окружающие думали, что «милая птичка» наслаждается красотой Божьего мира, однако отнюдь не слезы умиления наворачивались в эти мгновения на ее глаза.

Шло время. Жизнь при дворе стала казаться Александрине довольно однообразной. Она теперь гораздо с большим удовольствием сопровождала Николая на маневры, чем кружилась на балах. Разумеется, она старалась держаться подальше от стрельбы и кавалерийских атак, а просто ждала его в доме, определенном под жилье, и чувствовала себя счастливой. Ей совсем немного было нужно, чтобы быть довольной: если можно быть с мужем, то она вполне обойдется и без празднеств, и без развлечений. Она теперь предпочитала жизнь уединенную, полюбила простоту и сделалась истинной домоседкой. Объяснялось это не только нежной любовью к Николаю. Александрина вдруг открыла для себя пренеприятную истину: мужчина может любить свою жену, однако при этом если и не волочиться открыто за другими женщинами, то, во всяком случае, оказывать им внимание. Нет, ничего угрожающего… но и хорошего мало. И она поступила словно малый ребенок, который беспрестанно просится на руки к нянюшке, чтобы привлечь ее внимание к себе.

Эта тактика себя в то время оправдывала: Николай слишком любил «маленькую птичку», чтобы причинить ей хоть малое огорчение. Тем паче когда она снова была беременна.

Однако жизнь – штука непредсказуемая. И она горазда на неприятные сюрпризы – причем преподносит их отнюдь не с той стороны, откуда их ждешь. Как-то раз (это было летом 1819 года) император Александр, отобедав у своего младшего брата, сел между ним и его очаровательной женой и посреди дружеской беседы вдруг переменил тон и, сделавшись весьма серьезным, заговорил о том, как доволен он остался командованием Николая войсками и вдвойне радуется, что младший брат хорошо исполняет свои обязанности, ибо на него со временем ляжет большое бремя, так как император смотрит на него как на своего наследника, и это произойдет гораздо скорей, чем можно ожидать: Николай заступит место императора еще при его жизни.

Муж и жена сидели словно окаменелые, раскрыв глаза и не в силах произнести ни слова. А император продолжал:

– Кажется, вы удивлены? Ну что ж, скажу вам еще, что Константин, который и прежде-то никогда не хлопотал о

престоле, нынче надумал вовсе от него отказаться, передав свои права Николаю и его потомкам. А что касается меня, то я решил отказаться от лежащих на мне обязанностей и удалиться от мира. Европа теперь более чем когда-либо нуждается в государях молодых, вполне обладающих энергией и силой, а я уже не тот, что был прежде, и поэтому считаю своим долгом уйти вовремя.

Видя, что брат и его жена готовы разрыдаться, Александр постарался утешить их и в успокоение сказал, что это случится не тотчас, что пройдет еще несколько лет, прежде чем будет приведен в исполнение этот план. Потом ушел, оставив молодых супругов в состоянии полного ошеломления. Никогда и ничего подобного не приходило Александрине в голову даже во сне. Ее точно громом поразило: будущее казалось мрачным и недоступным для счастья. Николай тоже был растерян. Да, эту минуту они оба запомнили навсегда…

Правда, очень скоро тягостное впечатление от разговора заслонилось рождением у Александрины дочери и обидой на мужа, который воспринял новость без особой радости: он хотел сына. Правда, он довольно быстро раскаялся, очарованный малышкой, а потом Мария стала его любимицей. А вскоре Александрина обнаружила, что вновь беременна. Увы, третий ребенок родился мертвым, и только искренняя любовь и заботливость мужа помогли ей оправиться.

Зиму 1820/21 годов супруги провели в Берлине. Это было время совсем иных удовольствий, чем в России. Пора полнейшей беззаботности! Кажется, самым ответственным и напряженным делом для Александрины было участие в разыгрываемой при дворе поэме Томаса Мура «Лалла Рук». Живые картины были тогда в большой моде, а сюжет о двух влюбленных словно бы оживил отношения молодых супругов Николая и Александры, слегка подернутых неизбежной патиной обыденности.

В эту зиму Александрина немножко отдохнула от своих непрерывных беременностей (все-таки за два года она родила троих детей!), однако уже в 1822 году появилась на свет Ольга, и по предписанию врачей Александрине пришлось некоторое время поберечься. В России того времени это означало только одно: прекратить супружескую жизнь. Александрина никогда не отличалась страстностью натуры, и то, что муж теперь спал отдельно от нее, огорчало ее лишь потому, что привыкла к его теплу, к его нежности, его мерному дыханию рядом с собой. И она не особенно задумывалась над тем, на кого направлена теперь та его мужская жадность, которая доставляла ей прежде столько радости – но и так утомляла. По счастью, Николай

большую часть времени проводил не при дворе, а в разъездах, поэтому тучи ревности не омрачали семейного небосвода. Александрина была всецело поглощена детьми.

Но в 1825 году врачи смилостивились ненадолго – и они вновь встретились на супружеском ложе. Александрина вскоре поняла, что беременна. Противу обыкновения, она чувствовала себя великолепно и думала, что здоровье ее совершенно окрепло.

Увы, заблуждение длилось надолго. «Маленькую птичку» подстерегала болезнь, от которой ей уже не исцелиться было до конца жизни. Эта болезнь звалась – страх.

До Александрины долетали какие-то слухи о том, что в войсках неладно.

В ноябре пришла весть о смерти императора Александра. Вскрыли его завещание, в котором он оставлял престол Николаю. Тут же находилось отречение от престола Константина. Казалось бы, все законно, – надлежало только выполнить предписанное. Совершенно неизвестно, как бы сложилась жизнь самого Николая Павловича и судьба России, если бы он сделал это, если бы покорно исполнил волю старшего брата и принял престол. Однако его педантичность, стремление к соблюдению законности во всем, боязнь хоть малой малостью замарать честь братских отношений – словом, его взгляды безупречного рыцаря сыграли с ним на сей раз дурную шутку. Он присягнул Константину и стал ждать, когда брат приедет из Варшавы и отречется от престола публично. Константин ехать не захотел. Возникло некое краткое междуцарствие, которым и попытались воспользоваться руководители тайных обществ, недовольных существующим строем в России. Они вывели на Сенатскую площадь войска, выдвинули требования введения Конституции и отречения Николая.

Александрина была потрясена, когда увидела мужа с непривычно суровым, отрешенным лицом. Он увел ее в дворцовую церковь и там сказал:

– Неизвестно, что нас ожидает. Обещай мне проявить мужество и, если придется умереть, умереть с честью, не отрекаясь ни от чего. Умереть на престоле.

Александрина не поверила ушам, но муж ничего не стал объяснять.

Потом Николай уехал, во дворце все затаилось. Она была в своем будуаре, сидела полуодетая за бюро, вяло водила пером по бумаге. Хотела писать отцу – но не могла найти ни слов, ни мыслей. Томило ощущение неминучей беды.

Отворилась дверь – вошла Мария Федоровна. Она, всегда

такая сдержанная и величественная, была совершенно расстроена.

– Дорогая, все идет не так, как должно идти, – сказала она вздрагивающим голосом. – Дело плохо. Беспорядки. Бунт.

Александрина еще больше помертвела, не могла проговорить ни слова. Кое-как поднялась, подошла вслед за свекровью к окну.

Вся площадь до самого Сената была заполнена людьми. Видны были колонны Преображенского полка, статная фигура Николая верхом. К полку вскоре подошла конная гвардия.

Мария Федоровна показывала пальцем на каре Московского полка и пыталась объяснить то, чего и сама не понимала:

– Это мятежники!

Доносились далекие крики:

– Ура, Константин!..

На площадь выехал генерал Милорадович – храбрец, боевой генерал! – Мария Федоровна и Александрина видели, как ему в спину кто-то выстрелил. Потом узнали, что стрелял мятежник Петр Каховский, что генерал скончался ночью.

Но до ночи еще предстояло дожить. Дожить – или умереть.

Да, именно так стоял вопрос. Опасность была очень велика.

В это время Николай пытался найти возможность, окружив восставших, принудить их к сдаче без кровопролития. По нему ударил залп – пули просвистели рядом с головой, но, к счастью, не задели ни его, ни другого из бывших с ним. Рабочие, строившие Исаакиевский собор, из-за заборов начали кидать камнями в царскую свиту. Надо было решиться – и положить этому конец.

Николай испытывал постоянную тревогу за судьбу семьи. Еще не столь далеко ушли в прошлое кошмарные, кровавые дни Французской революции, и любой монарх, в чьей стране начался бы бунт, смертельно тревожился бы за судьбы жены и детей. Теперь от народа можно было ожидать всякого!

Кроме того, Николай был знаком с программами мятежников. Что Южное, что Северное общества сходились в одном: царская семья должна быть уничтожена вся, от мала до велика. От него самого, государя, до того ребенка, которого носила во чреве его жена. Бунтовщики еще не договорились лишь, каким образом будут убиты «тираны». Кто-то предлагал их повесить, а кто-то удушить. Или напоить ядом.

Впрочем, Николай не сомневался, что убийцы очень быстро придут к соглашению.

Взяв с собой конвой из кавалергардов, император поехал во дворец. Он должен был во что бы то ни стало уберечь семью от подступающей угрозы.

Во дворце он распорядился приготовить кареты, в которых его семье можно было бы, в сопровождении охраны из кавалергардов, уехать в Царское Село.

Это распоряжение было весьма своевременным: как только Николай направился снова к Сенатской площади, произошел один из самых рискованных эпизодов этого дня. Поручику Попову удалось провести лейб-гренадеров по Миллионной улице прямиком к Зимнему дворцу. Он даже прорвался через караул на дворцовый двор! Попов был на волосок от захвата дворца. Однако во дворе лейб-гренадеры столкнулись с саперами, шефом которых был Николай, преданным ему войском, – и Попов не решился ввязаться с ними в схватку. Лейб-гренадеры отправились на Дворцовую площадь, где их увидел подъезжающий в это время Николай.

Он не подозревал, что перед ним мятежники. Хотел остановить людей и выстроить, но на его окрик:

– Стой! – последовал ответ:

– Мы за Константина!

Последовало мгновенное молчание, а потом Николай указал рукой в сторону Сенатской площади и сказал:

– Когда так, то вот вам дорога.

И вся эта толпа промчалась мимо него, сквозь его конвой, и беспрепятственно присоединилась к своим товарищам. Они даже не поняли, кого только что видели перед собой! В противном случае началось бы кровопролитие под окнами дворца, и участь императора и его семьи была бы тогда решена…

В это время Александрина и вдовствующая императрица были вне себя от ужаса. Ведь они видели все эти передвижения, подход лейб-гренадеров, знали, что там стрельба, что драгоценнейшая для них жизнь Николая в опасности. У Александрины не хватало сил владеть собой, она взывала к Богу, повторяя одну и ту же молитву:

– Услышь меня, Господи, в моей величайшей нужде!

Казалось немыслимым, что этот день когда-нибудь кончится, что его можно пережить!

Однако они его все-таки пережили. Когда появился Николай, мать и жена увидели, что перенесенные испытания придали его лицу новое выражение. Нет, это были не жестокость и мстительность. Это было величавое, непоколебимое спокойствие. Во время мятежа Николай был озабочен тем, чтобы не показать своим людям ни малейшего признака слабости, не испугать их ни тенью растерянности. Он понимал, что только спокойствие и отвага государя способны удержать страну в этот тяжкий миг. Он словно надел маску, и она навсегда приросла к его лицу. Оно

стало поистине непроницаемым. Отныне никто не знал, что на уме или на душе у императора Николая Павловича.

А Александрина была только слабой женщиной. И все ее страхи, все горе, весь ужас и безнадежность минувшего дня выразились в жесточайшем нервном тике, который поразил ее. У нее начала трястись голова – и это осталось на всю жизнь. Когда Александрина была весела и безмятежна, это было почти незаметно, но стоило ей взволноваться или захворать, как дрожь проявлялась сильнее.

…Потом, спустя годы, когда Николая обвиняли в избыточной жестокости к декабристам и их женам, никто не задумывался, чем была вызвана эта жестокость и за что он мстил им всю жизнь. А может быть, за эти судороги, навеки обезобразившие любимое лицо его «маленькой птички»? Разве такой уж мелкий повод?..

Он все бы отдал ради нее! Он готов был на все, чтобы вылечить ее, вернуть ей прежнюю красоту и спокойствие! Но случилось так, что именно он, ее возлюбленный муж, причинял ей больше всего горя. Медленно убивал ее, при этом продолжая нежно и преданно любить.

* * *

Александрина еще и потому пользовалась такой любовью своей свекрови, что безотказно рожала детей своему мужу. В глазах Марии Федоровны, родившей десятерых, это было величайшей заслугой. Тот ребенок, которого носила Александрина в злосчастные декабрьские дни 1825 года, появился-таки на свет. Это была дочь Александра. Вслед за ней на свет родились Константин, Николай и Михаил. Менее плодовитые и больше любившие светские развлечения дамы перешептывались: «Велика ли доблесть – посвятить жизнь тому, чтобы беспрестанно рожать?!» Однако Александрина была очень огорчена, когда врачи в конце концов вынесли свой приговор: рожать ей больше нельзя, если не хочет совсем подорвать свое здоровье и до срока сойти в могилу. Один раз это уже было в ее жизни, но теперь приговор был окончательным и бесповоротным.

Александрина всегда была скорее нежной, чем страстной, она лишь отвечала на желания мужа, чем навязывала свои. Однако она прекрасно знала, сколь пылок, сколь ненасытен в любви Николай. И если приговор врачей означал фактически запрет на физическую близость с мужем для нее, то Николай по сути своей был не способен на воздержание. Будут другие женщины – Александрина понимала это. Но как ни надрывалось ее сердце от

незнаемой прежде боли и ревности, она все-таки чувствовала, насколько глубоко ее муж уважает и любит ее. И не сомневалась: даже среди самых бурных связей ее имя не будет унижено. Изменяя ей физически, он всегда останется ей верен нравственно.

И она не ошиблась.

Пусть их по-прежнему нежные отношения были во многом только видимостью – но это была самая блистательная видимость на свете! Государь завтракал, обедал, ужинал со своей женой и каждую ночь, за исключением отъездов из Петербурга по делам, спал в ее опочивальне. Он и впрямь любил ее всю жизнь – вернее сказать, питал к этому хрупкому созданию страстное и деспотическое обожание сильной натуры к существу слабому, от него всецело зависимому. Он был самодержцем даже с женой, однако жена, в отличие от России, принимала эту неограниченную власть с радостью. Она по-прежнему была его прелестной птичкой, которую он держал в драгоценной клетке своего обожания, поил нектаром и кормил амброзией своей любви, убаюкивал мелодиями своих нежных признаний. Может быть, если бы птичка захотела улететь, он безжалостно подрезал бы ей крылья. Но в том-то и состояла гармония этой супружеской пары, что птичка никогда не желала покинуть свою клетку. Весь ее мир заключался в любви к мужу, она растворялась в нем – и не хотела знать, что вне этой любви существует еще какой-то совершенно другой мир. Потрясение, пережитое 14 декабря, тоже сыграло свою роковую роль. Александрина сознательно закрыла глаза на действительность – и уже не открывала их. Во всяком случае, старалась не открывать.

Она была добра, у нее всегда были наготове улыбка и ласковое слово для тех, кто к ней обращался, она раздавала свое золото нуждающимся, но среди этих нуждающихся в утешении и заботе она выбирала только самых красивых детей, самых милых стариков и самых хорошеньких, безропотных девушек. И это отношение к миру как к прекрасному, радостному саду поддерживала вся семья.

Доходило до абсурда. В последующие годы николаевскую цензуру упрекали за бесстыдное приукрашивание действительности. Однако это делалось вовсе не для того, чтобы скрыть от мира истинную картину российских бедствий. О них не должна была знать императрица!

России было запрещено говорить о том, что могло взволновать государыню. Она должна была жить в веселье – и умереть счастливой.

Но если император добился того, что никакие горести из мира внешнего не тревожили его жену, то слухи другого плана до

нее все же доходили. Прежде всего – слухи о множестве увлечений Николая. Тех увлечений, которым он предался, когда вынужден был перестать спать с женой. Между прочим, он и сам не делал из этого секрета, а порою с видом шаловливого мальчика обсуждал с императрицей сонмище придворных красоток, досаждающих ему своим вниманием. Как ни была возвышенна душой его «птичка», но женщина остается женщиной, и ей не может не быть приятно унижение соперниц. Александрина с наслаждением выслушивала меткие характеристики мужа.

О да, у Николая было много любовниц – но, с другой стороны, он никогда не искушал женщину, которая пыталась искренне уберечь свою добродетель. И если кокетничал, по меткому выражению одной из фрейлин, как молоденькая бабенка, то с кем?! С доступными Бутурлиной, Пашковой, баронессой Анной Фредерикс, с Амалией Крюденер, которой он увлекался, но которую с легким сердцем уступил Бенкендорфу. Разумеется, от его внимания млели молоденькие актрисы – а Николай, надо сказать, очень любил театр. По вечерам, чтобы прийти в себя после напряженного дня, он бывал в балете и во французском театре, реже в русском и никогда – в немецком (ему не нравилась труппа). В русский театр Николай Павлович зачастил, когда на бенефисе знаменитого актера Сосницкого увидел на сцене актрису Варвару Асенкову. У Асенковой была грациозная фигура и прелестные ножки. И глаза у нее были чудесные, выразительные, а лицо было из тех, о которых мечтают актрисы: довольно обыкновенное, оно умело вдруг сделаться каким угодно, даже прекрасным. Неведомо, что привлекло Николая Павловича больше – очарование молодости или очарование таланта, однако он не пропускал почти ни одного спектакля с Асенковой – будь то французский старинный водевиль или современная комедия, опять же французская или русская. Было замечено, что в веселом, как бы смешливом даровании Варвары Асенковой появились новые нотки – печали, даже трагизма. Теперь она словно бы разучилась смешить публику, зато могла заставить ее рыдать. На русской сцене как раз в то время появилась пьеса «Эсмеральда» по роману Гюго «Собор Парижской Богоматери». Страстные признания Эсмеральды в любви к Фебу, сравнения красивого офицера с солнцем сопровождались такими взглядами в сторону государевой ложи, что о сердечных тайнах молодой актрисы не догадался бы только полный дурак. А как она умирала из-за любви к Фебу! Как сходила с ума влюбленная в Гамлета Офелия! Знатоки уверяли, что трагические роли вне амплуа Асенковой, однако любовные сцены удавались ей

поистине трогательно, ибо она и сама была влюблена в того, кого откровенно сравнивала с Фебом, божеством солнечного света.

Что и говорить, императору не надо было принуждать женщин влюбляться в себя. Они сами сходили по нему с ума. Конечно, царственный блеск привлекал их, но и удивительная красота императора играла тут не последнюю роль.

Николай был очень скромен в быту. Окружая любимую жену утонченной, сказочной роскошью, он сам был поразительно неприхотлив. Ел мало, в основном овощи и рыбу, ничего не пил, кроме воды, а рюмка вина была редкостью. Вечером ел только тарелку протертого супа, не курил, ходил много пешком, никогда не отдыхал днем. Понятия халата или домашнего платья для него не существовало, ибо он был убежден, что император должен быть всегда в форме. Правда, если ему нездоровилось, то вместо мундира надевал старенькую шинель. Спал на походной кровати на тоненьком тюфячке, набитом сеном. Его покои в Зимнем дворце отнюдь не отличались роскошью, а для работы себе он выбрал комнату под лестницей, ведущей к комнате императрицы. Простота этой комнаты была удивительная.

Вольнодумцы оскорбляли его за эту скромность как могли – называли солдафоном. Его было легко оскорбить даже публично – ведь Николай никого и никогда не наказывал за поношение своей персоны и всегда снимал обвинения с людей, арестованных за такие провинности. Но его называли не только солдафоном – его упрекали в распутстве, приписывали ему и внебрачных детей, которые воспитывались в доме Клейнмихелей, и соблазнение всех женщин подряд.

При том, что император Николай возвышенно любил свою жену, его страстно, неодолимо влекло к фрейлине Варваре Нелидовой, племяннице Екатерины Нелидовой, которая была признанной фавориткой его отца Павла Петровича.

В этом можно было усмотреть нечто мистическое…

Правда, в отличие от своей тетушки, которая уродилась весьма невзрачна, хоть и умна, Варенька Нелидова была очень хороша собой. Императрица любила окружать себя красивыми лицами, и в свое время Варвара Аркадьевна была украшением этого цветника, именуемого «фрейлины императрицы».

Красота ее была из тех, которые не вянут с годами, чудилось, возраст только прибавлял ей изысканности и одухотворенности. Поэтому не удивительно, что Николай был увлечен ею всю жизнь.

В конце концов эта связь приобрела в глазах двора оттенок почти благопристойный. Варвару Нелидову извиняло многое, а прежде всего – самозабвенная, почти девическая, страстная влюбленность в Николая Павловича. Кроме того, она была

скромна и деликатна, сдержанна и тщательно скрывала оказываемую ей милость, а ведь другие женщины обычно откровенно кичатся монаршим расположением. Для нее любовь к императору была и счастье, и крест ее жизни.

Может быть, поэтому в отношении к ней императрицы не было никакого зла, никаких придирок, на которые бывают столь горазды оскорбленные женщины. Скромная фаворитка вызывала даже уважение, понимание: ведь, с точки зрения Александрины, не любить ее мужа было просто невозможно.

Среди фавориток императора, мнимых и действительных, была только одна, которую государыня ненавидела всеми силами души, хотя и являла к ней привычную светскую сдержанность и даже радушие. Это была признанная красавица Наталья Николаевна Пушкина, в девичестве Гончарова.

К Пушкину отношение при дворе и в обществе было тогда неоднозначное. Кто-то принимал его, кто-то нет. Кто-то восхищался, кто-то уничижал. Отнюдь не все считали, что это солнце русской поэзии. Александра Федоровна относилась к Пушкину с почтением, однако потом стала откровенно предпочитать ему Лермонтова, которого находила более страстным, более интересным и ярким. В отношении же к Пушкину императора Николая Павловича странным образом сочетались терпение, которое может проявлять учитель к способному, но нерадивому ученику, – и острая, тщательно скрываемая ненависть. В любых действиях Николая недоброжелатели пытались углядеть желание непременно уязвить поэта. А разве поэт не оскорблял императора?

Когда 8 сентября 1826 года император вернул его из михайловской ссылки и дал аудиенцию во дворце, то задал вопрос:

– Что сделали бы вы, если бы 14 декабря были в Петербурге?

– Стал бы в ряды мятежников, – не без кокетства ответил поэт, совершенно убежденный, что ничем не рискует. Дело прошлое, не для того людей из ссылки возвращают, чтобы карать за несовершенные преступления!

Да, никакого наказания не последовало. Наверно, Николай видел насквозь этого человека, который не прибыл в Петербург 14 декабря лишь потому, что дорогу ему перебежал заяц. Пушкин отнюдь не был трусом, вот уж нет! Он просто был не создан для подвигов. И слава Богу, иначе солнце русской поэзии закатилось бы еще раньше.

Николай формально освободил его от официальной цензуры и предложил, что сам станет его цензором. Ах, какой писк подняли по этому поводу все вольнодумцы!

А как прохаживались приятели поэта насчет того унижения, которое ему было якобы нанесено назначением его камер-юнкером, дабы он мог сопровождать на придворные балы Наталью Николаевну, к которой питал слабость император! Но кем же его было назначить? Гофмаршалом, что ли? Служба придворная начиналась с малых чинов…

Однако при всем при том и Пушкин, и его приятели были правы, когда усматривали в действиях государя тонкое, изящно завуалированное стремление унизить великого поэта. И дело тут было не в политических взглядах, не в ревности к мужу красавицы Натали. Можно восхищаться красотой женщины – и оставаться джентльменом. Николай пытался… но не мог одолеть в себе обиды за брата. Ведь ни от кого не было секретом, что Пушкин боготворил императрицу Елизавету Алексеевну. И это, вероятно, и было тем камнем преткновения, который вызывал недовольство дома Романовых по отношению к поэту.

Ну а Александрина, конечно, ревновала… Уж больно хороша была эта Натали, особенно на фоне своего невзрачного мужа, которого, как и всех малорослых мужчин, неудержимо влекло к очень высоким женщинам. Он даже не замечал, что пара-то получилась карикатурной! А вот рядом с Николаем Павловичем Натали смотрелась великолепно. Жаль, что в ту пору носили мягкие шелковые туфельки на плоской подошве, потому что рядом с таким мужчиной она могла бы надеть туфли хотя бы и с пятивершковыми каблуками. И в соседстве с Жоржем Дантесом, этим белокурым красавцем, Натали смотрелась очень выигрышно. Приемного сына посланника Геккерена Александра Федоровна привечала из чистой вредности, чтобы досадить Пушкину. Что делать – она ведь была только женщина, которая безумно любила своего мужа. И ревновала его, хотя вынуждена была скрывать это.

В том, как отреагировала Александрина на смерть поэта, видна страдающая от этой ревности женщина:

«Этот только что угасший Гений… Эта молодая женщина возле гроба, как ангел смерти, бледная, как мрамор, обвиняющая себя в этой кровавой кончине, и кто знает, не испытывала ли она рядом с угрызением совести, помимо своей воли, и другое чувство, которое увеличивает ее страдания?»

Она имела в виду любовь к Дантесу? Или к императору? Кто кого на самом деле искушал: Николай Натали или Натали Николая?

И дивное резюме – как приговор легкомысленной красавице:

«Бедный Жорж, как он должен был страдать, узнав, что его противник испустил дух».

Какое горе, что Пушкин оказался столь легковерен, столь

легко повелся на дешевые слухи, скомпрометировал и жену свою, и бросил тень на имя государя! Он все-таки постигнул это – уже на смертном одре, в последнем озарении жизни, и пробормотал:

– Как жаль, что этот вздор меня пересилил…

Вот именно – этот вздор! Не стоящая его смерти клевета… Какая жалость, что он понял это, когда было уже поздно. Какая жалость, что никто из друзей, воспевавших его дар, не пожелал удержать его от роковой ошибки. Зато они поливали слезами его мертвое тело. Легко почитать соперника, который уже принадлежит вечности!

* * *

Шли годы. Александрина по-прежнему всецело растворялась в своем обожании Николая. Она была заботливая мать, но то чувство, которое она испытывала к мужу, превосходило все прочие чувства. Она сопровождала его в путешествиях, хотя трудности пути подтачивали ее здоровье; закованная в кандалы и цепи придворной жизни, исполняла свой долг – развлекаться до самой смерти. Расплачиваясь здоровьем за свое положение на троне, она жила только любовью к Николаю.

Между тем здоровье Александрины и в самом деле было плохо. Нервный тик, результат трагических событий 1825 года, давал себя знать все чаще. Образ ее жизни был для нее смертелен. Она необыкновенно похудела, ее глаза потухли. Казалось, на этом свете ее удерживала лишь неизбывная любовь к мужу, лишь боязнь огорчить своим уходом дорогого Николая, которому и так приходилось нелегко.

Она была уверена, что опередит мужа на этом пути, и заранее жалела его, когда он останется один.

Однако рок судил иначе, как любят выражаться поэты…

Крымская война стала проклятием для страны. Александрина воспринимала ее не со стороны – два ее сына были на театре военных действий. Фрейлины в основном только и делали, что щипали корпию для армии. Императрица не отставала от них. Что значили кровавые мозоли на ее пальцах по сравнению с той тоской, которую она читала в глазах Николая?!

О чем он думал?

Крымская война сломила государя. Оказалось, что та великолепная государственная машина, которая была им отлажена и запущена, – просто игрушка из папье-маше, которая не выдержала испытания. Она сломалась, рухнула – и погребла

под обломками самого императора.

Николай умер не потому, что не смог пережить унижение собственного честолюбия – он не смог пережить унижения России.

Для всех, кто привык видеть его непоколебимым, его болезнь была странной, непостижимой, внезапной и необъяснимой. Только два человека знали причину этой внезапности: его старший сын Александр и доктор Мандт. Но они дали клятву молчать – и молчали, как ни тяжело было переносить горестное, трагическое недоумение императрицы, совершенно не понимавшей, что произошло с ее обожаемым мужем. Говорили о гриппе и воспалении легких, о начинавшемся параличе…

Он умирал.

Дворец не спал. Государь то молился, то отдавал последние распоряжения. Они были настолько четки и продуманны, что невольно наводили мысль о том, что были приготовлены заранее.

Он совершенно владел собой и даже спросил доктора:

– Потеряю ли я сознание или задохнусь?

– Я надеюсь, что не случится ни того, ни другого, – ответил Мандт. – Все пройдет тихо и спокойно.

– Когда вы меня отпустите? – спросил Николай.

Мандт отвел глаза, сделав вид, что не расслышал вопроса.

В это время фрейлины, собравшиеся под дверью кабинета, где отходил государь, увидели, что в вестибюле появилась Варвара Нелидова. Она сама походила на умирающую, и трудно было описать выражение ужаса и отчаяния, отразившихся в ее растерянных глазах и в застывших чертах лица, некогда красивого, а теперь белого и окаменелого, как мрамор. Проходя мимо одной из фрейлин, она схватила ее за руку и судорожно потрясла.

– Прекрасная ночь, мадемуазель Тютчева, прекрасная ночь! – пробормотала она хрипло, и видно было, что она совершенно не осознает своих слов, что ею владеет полное безумие.

О ее присутствии стало известно императрице, и она, сама теряющая любимого человека, поняла и пожалела Нелидову так, как можно жалеть только перед лицом последнего прощания. Она сказала Николаю:

– Некоторые из наших старых друзей хотели бы проститься с тобой… Варенька Нелидова.

Умирающий понял и сказал с мягкой улыбкой:

– Нет, дорогая. Я не должен больше ее видеть, ты ей скажи, что я прошу ее меня простить, что я за нее молился и прошу ее молиться за меня.

И, трудно дыша, пробормотал:

– Скоро ли кончится эта отвратительная музыка? Я не думал, что так трудно умирать…

Посмотрел на жену и отрешенно улыбнулся:

– Ты всегда была моим ангелом-хранителем – с той минуты, как я увидел тебя в первый раз, и до этой последней минуты.

Во время агонии он держал руки жены и сына и вдруг выговорил, глядя на Александра прояснившимися глазами:

– Держи все… держи все!

Потом он прощался со своими любимыми только взглядом. Александрина была с ним до последнего мгновения и своими руками закрыла ему глаза.

Это было 20 февраля 1855 года.

* * *

На другой день после смерти императора Варвара Нелидова отослала в «Инвалидный капитал» [2] те 200 тысяч рублей, которые были ей оставлены Николаем Павловичем. Она хотела уехать из дворца, но императрица не позволила. Впрочем, Нелидова окончательно удалилась от света, и ее можно было встретить лишь в дворцовой церкви, где она ежедневно бывала у обедни. Вскоре ее не стало видно и там, так что многие из обитателей дворца даже и не знали толком, жива она или нет.

Александра Федоровна пережила мужа на пять лет. Какое-то время она жила в Ницце для поправления здоровья, но потом вернулась в Зимний, откуда из ее окон открывался прекрасный вид на любимую ею Неву.

Незадолго до смерти она написала распоряжение: «Я желаю, чтобы мои комнаты в Зимнем не стояли пустые и чтобы через год после моей смерти они были предназначены для кого-либо из новобрачных в царской фамилии, которые, поселившись в них, будут пользоваться, надеюсь, тем же семейным счастьем, каким пользовалась в них я».

Маленькая птичка обожала свою золотую клетку до самого конца. Она так и не узнала о причинах столь внезапной смерти своего обожаемого Николая. А между тем он покончил с собой, не в силах перенести крушения всего своего правления. О своем решении он поставил в известность старшего сына. Яд ему дал собственноручно доктор Мандт и постарался устроить все так, чтобы кончина императора была максимально правдоподобна, как нельзя больше напоминала естественную смерть.

Под страхом вечных адовых мучений оба его соучастника поклялись, что никогда не откроют правды ни Александрине, ни

кому-то другому. Кое-какие слухи все же просочились потом в мир, но остались неведомы «птичке». Поэтому она навеки запомнила лишь счастливые часы своей жизни и своей любви.

notes

Примечания

1

Свояченицы (фр.).

2

Банк, основанный для выдачи пенсий и помощи раненым военнослужащим, вдовам и детям убитых воинов.